

1001 ночь.

Рассказ об ал-Насире и трех вали

Рассказывают также, что аль–Малик–ан–Насир [377] призвал в какой–то день трех вали – авали Каира, вали Булака и вали Старого Мисра [378] и сказал им: "Я хочу чтобы каждый из вас рассказал мне о самом удивительном, что случилось с ним, пока он был вали..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста сорок третья ночь

Когда же настала триста сорок третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что аль–Малик–ан–Насир сказал трем вали: "Я хочу, чтобы каждый из вас рассказал мне о самом удивительном, что случилось с ним, пока он был вали".

И они ответили ему вниманием и повиновением, а затем вали Каира оказал: "Знай, о владыка наш султан, вот самое удивительное, что случилось со мной, когда я был вали. В этом городе были два правомочных свидетеля [379], которые свидетельствовали при кровопролитиях и ранениях. И они предавались любви к женщинам и питью вина и разврату. И я не мог уличить их, чтобы обвинить, и я был бессилен сделать это. Тогда я наказал виноторговцам, и торговцам сухими плодами, и фруктовщикам, и продавцам свечей, и хозяевам домов разврата, чтобы они мне все рассказывали про этих свидетелей, когда они будут где–нибудь пить или развратничать оба вместе или отдельно, и если оба или один из них купит что–нибудь из вещей, предназначенных для питья, и не скрывали бы от меня этого. И торговцы отвечали: "Внимание и повиновение!"

И в один из дней случилось, что явился ко мне ночью человек и сказал: "О владыка, знай, что свидетели застали в таком–то месте, в такой–то улице, в доме такого–то человека за весьма дурным делом".

И я поднялся, переоделся и вместе с своим слугой пошел к ним один, и со мной никого не было, кроме слуги. И я шел до тех пор, пока не увидел перед собой ворота. И я постучал в них, и пришла невольница и открыла мне и спросила: "Кто ты?" Но я вошел, не давая ей ответа, и увидел, что оба свидетеля и хозяин дома сидят, и с ними непотребные женщины и много вина. И, увидав меня, они поднялись мне навстречу и оказали мне уважение и посадили меня на почетном месте, говоря: "Добро пожаловать, дорогой гость и остроумный сотрапезник!" И встретили меня без страха и испуга. И после этого хозяин дома скрылся на минуту, а потом вернулся с тремя сотнями динаров, и он не испытывал никакого страха. И они сказали мне: "Знай, о владыка наш вали, что ты властен на большее, чем наш позор, и в твоих руках наказание для нас, но только это станет для тебя тяготой, и лучше всего тебе взять эти деньги и покрыть нас: ведь имя Аллаха великого – покровитель, и он любит среди рабов своих тех, кто покрывает, а тебе достанется награда и воздаяние". И я сказал себе: "Возьми у них это золото и покрой их на этот раз, а если ты будешь над ними властен в другой раз, отомсти им". И я польстился на деньги и взял их и оставил этих людей и ушел и никто ничего не узнал. Но на следующий день, не успел я опомниться, как пришел посланный от кади и сказал: "О вали, иди поговори с кади – он зовет тебя!" И я поднялся и пошел к кади, не зная в чем дело, а войдя к кади, я увидел, что те два свидетеля и хозяин дома, который дал мне триста динаров, сидят у него. И хозяин дома поднялся и потребовал от меня триста динаров, и не было у меня возможности отрицать, а хозяин дома вынул запись, и те два полномочных свидетеля засвидетельствовали, что за мной триста динаров. И кади поверил их свидетельству и приказал мне отдать эти деньги, и я не вышел от них раньше, чем они взяли от меня триста динаров. И я рассердился и задумал сделать с ними всякое зло, и пожалел, что не наказал их, и ушел в крайнем смущении. И это самое удивительное, что случилось со мной, когда я был вали".

И поднялся вали Булака и сказал: "А что до меня, о владыка султан, то вот самое удивительное, что случилось со мной, когда я был вали. У меня набралось триста тысяч динаров долга, и это мучило меня. Я продал то, что было за мной и передо мной, и то, что было у меня в руках, и набрал сто тысяч динаров, не больше..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста сорок четвертая ночь

Когда же настала триста сорок четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что вали Булака говорил: "Я продал то, что было за мной и передо мной, и набрал сто тысяч динаров, не больше, и пребывал в великом замешательстве. И сидел я в одну ночь из ночей у себя дома в таком состоянии, и вдруг кто–то постучал в ворота. И я сказал одному из слуг: "Посмотри, кто у ворот". И он вышел и вернулся с лицом землистым и изменившимся, и у него дрожали поджилки. "Что тебя постигло?" – спросил я его, и он ответил: "У ворот нагой человек в кожаной рубахе, и он с мечом и ножом у пояса, и с ним толпа людей такого же вида, и он требует тебя". И я взял свой меч в руку и вышел посмотреть, кто это, и все оказалось так, как сказал слуга. "Что вам надо?" – спросил я их, и они сказали: "Мы воры и добыли сегодня ночью великую добычу и назначили ее тебе, чтобы ты помог себе ею в том деле, которым ты озабочен, и покрыл бы долг, лежащий на тебе". И я спросил их: "А где же добыча?" И они принесли мне большой сундук, полный сосудов из золота и серебра, и, увидев его, я обрадовался и сказал про себя: "Я покрою лежащий на мне долг, и мне останется еще раз столько же!" И я взял сундук и вошел в дом и сказал себе: "Будет невеликодушно, если я дам им уйти без ничего!" И, взяв сто тысяч динаров, я отдал их ворами и поблагодарил их за милость. И они взяли динары и ушли под покровом ночи своей дорогой, и никто не узнал о них. А когда настало утро, я увидел, что то, что лежит в сундуке, медь, покрытая золотом и оловом, и все это стоит пятьсот дирхемов. И мне стало очень тяжело, что динары, бывшие у меня, пропали, и прибавилось забот к моим заботам. Вот самое удивительное, что случилось со мной в то время, когда я был вали".

И поднялся вали Старого Мисра и сказал: "О владыка наш, султан, что до меня, то вот самое удивительное, что случилось со мной, когда я был вали. Я повесил десять воров, каждого на отдельную виселицу" и наказал сторожам стеречь их и не давать людям забрать кого–нибудь из них. А когда наступил следующий день, я пришел на них посмотреть и увидел на одной виселице двоих повешенных. И я спросил сторожей: "Кто это сделал и где виселица, на которой был второй повешенный?" И сторожа стали отнекиваться, а когда я хотел их побить, они сказали: "Знай, о эмир, что мы вчера заснули, а проснувшись, увидели, что одного повешенного украли вместе с виселицей, на которой он висел. И мы испугались тебя и вдруг видим – едет феллах [380], и приближается к нам со своим ослом, и мы схватили его, и убили, и повесили вместо того, что украли с этой виселицы". И я удивился этому и спросил их: "А что было у феллаха?" И они отвечали: "У него был мешок на осле". – "А что в мешке?" – спросил я. И сторожа ответили: "Не знаем". И я сказал: "Ко мне это!" И мне принесли мешок, и я велел его открыть, и вдруг вижу – в нем человек, убитый я разрубленный. И, увидав это, я удивился и воскликнул: "Слава Аллаху! Причиной повешения этого феллаха была только его вина перед этим убитым, и не обидчик господь твой для рабов!" [381]

Рассказ О ВОРЕ И МЕНЯЛЕ

Рассказывают также, что у одного человека из менял был кошель, полный золота. И однажды он проходил мимо воров, и один из них сказал: "Я могу взять этот кошель". – "Как ты это сделаешь?" – спросили его, и он сказал: "Смотрите!" И затем он последовал за этим человеком до его жилища, и меняля вошел и кинул кошель на скамью. А ему захотелось помочиться, и он вошел в дом отдохновения, чтобы удовлетворить нужду, и сказал невольнице: "Поддай кувшин с водой!" И невольница взяла кувшин и последовала за менялой в дом отдохновения, оставив дверь открытой, и вор вошел, и взял кошель, и ушел к своим товарищам, и осведомил их о том, что случилось..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Триста сорок пятая ночь

Когда же настала триста сорок пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что вор взял кошель, и ушел к своим товарищам, и осведомил их о том, что у него случилось с менялой и невольницей, и они сказали ему: "Клянемся Аллахом, поистине, то, что ты сделал, – ловкость, и не всякий человек это может, но только меняля сейчас выйдет из дома отдохновения и не найдет мешка и станет бить невольницу и мучить ее тяжелым мучением, и, кажется, ты не сделал дела, за которое тебя будут восхвалять. Если ты ловкач, то освободи девушку от побоев и мучений". "Если захочет Аллах великий, я выручу девушку и мешок", – сказал вор. И затем он вернулся к дому менялы и увидел, что тот пытается невольницу из–за мешка. И он постучал в дверь, и меняля спросил: "Кто это?" А вор ответил: "Я слуга твоего соседа на рынке". И меняля вышел к нему и спросил: "Что тебе?" И вор сказал: "Мой господин приветствует тебя и говорит: "Что это твои повадки переменялись? Как это ты бросаешь такой кошель, как этот, возле лавки и уходишь и оставляешь его? Если бы его нашел кто–нибудь чужой, он бы взял его и ушел". И если бы мой господин не увидел его и не сохранил, кошель бы наверное пропал у тебя".

И потом он вынул кошель и показал его меняле, и, увидав его, меняля воскликнул: "Это мой кошель, он самый!" – и протянул руку, чтобы взять его у вора, но тот сказал: "Клянусь Аллахом, я его тебе не дам, пока ты не напишешь моему господину записку, что ты получил от меня кошель. Я боюсь, он мне не поверит, что ты взял кошель и получил его, пока ты не напишешь ему записку и "не приложишь к ней печати".

И меняля вошел в дом, чтобы написать записку о прибытии мешка, как оказано, а вор ушел с мешком своей дорогой, и невольница освободилась от наказания.